

V. Становление текстологии как научной дисциплины

Подобно многим наукам, ставшим неотъемлемой частью западной культуры, текстология также обязана своим происхождением Древней Греции. Ее подъем и развитие связаны с эпическими произведениями Гомера. Поскольку певцы, публично цитировавшие куски из «Илиады» и «Одиссеи», часто изменяли текст, чтобы он более соответствовал конкретному случаю или их собственному представлению о стихосложении, уже в древности существовало много вариантов одного и того же текста. Постепенно появилось несколько так называемых “городских редакций” Гомера, то есть таких редакций, которые сохранились в различных центрах (традиционно в семи) и с которых делались частные копии. Другие особые тексты были созданы Феагеном Регийским, Стесимбротом Фасосским (ок. 450 г. до н.э.) и Аристотелем, подготовившим собственный вариант текста для своего ученика, Александра Македонского. Этот вариант обычно называют η εκ του varθικας, по сундуку, в котором он хранился (Плутарх, Alex. 8).

В эллинистическую эпоху стал развиваться более научный критический подход к тексту Гомера. Критическое изучение текстов Гомера велось в знаменитой библиотеке в Александрии, которая, как полагают, насчитывала около 600 тысяч томов²¹⁰, и для которой, согласно принятой традиции, был сделан перевод Ветхого Завета на греческий язык (Септуагинта). Библиотекари стремились получить более точные редакции поэм Гомера. Незадолго до 274 г. до н.э. первый из таких ученых-библиотекарей, Зенодот из Ефеса (325—234 гг. до н.э.), сравнил многие рукописи, чтобы восстановить оригинальные тексты «Илиады» и «Одиссеи». Зенодот внес в текст Гомера исправления четырех видов: 1) вычеркнул стихи, которые не считал подлинными; 2) пометил некоторые другие стихи как имеющие сомнительное происхождение; 3) изменил порядок стихов; 4) ввел новые, не являющиеся общепринятыми, чтения.

Одним из главных библиотекарей был Аристофан из Византия (ок. 257—180 гг. до н.э.), возможно, самый яркий знаток греческой античности — ему приписывают изобретение знаков греческого ударения и других диакритических знаков. В своей редакции «Илиады» и «Одиссеи» Аристофан использовал широкий набор критических символов для выражения своей оценки состояния текста. Его величайшим учеником стал Аристарх из Самофракии (ок. 220—144 гг. до н.э.), который, возглавив библиотеку после своего учителя, издал труды шести греческих авторов и опубликовал два критических издания поэм Гомера, пополнив число критических символов, которые использовали его предшественники.

Таким образом, в Древнем мире, в особенности в Александрии, уже существовала довольно развитая научная дисциплина текстуальной и литературной критики, предметом рассмотрения которой было, в первую очередь, наследие Гомера. Общеизвестно, что Филон Александрийский и многие Отцы Церкви, находясь под влиянием филологической мысли Александрии, использовали в своих толкованиях Священного Писания методы аллегорической экзегезы, которые применялись к определенным историям богов и богинь в гомеровском цикле. Гораздо меньше оценен факт глубокой укорененности текстологических методов Александрии в среде церковных ученых и их применения для трактовки текста Нового Завета. Ниже мы приведем краткое изложение данных, которые можно почерпнуть из патристических источников относительно интересующего нас предмета.

По иронии судьбы самые первые попытки²¹¹ установить подлинный текст Нового Завета предприняли те, кто был отлучен от Церкви за еретические воззрения римским епископом папой Виктором (187—198 гг. н.э.). Случилось так, что образованный торговец кожей по имени Феодот, прибывший в Рим из Византия, был уязвлен критическими нападками, которые Гален, знаменитый

²¹⁰ Parsons E. A. The Alexandrian Library, Glory of the Hellenic World Its Rise, Antiquities and Distractions. Amsterdam, London and New York, 1952.

²¹¹ Изменения, внесенные Маркионом в текст Нового Завета, продиктованы скорее размышлениями о вероучении, нежели интересом к текстологии.

греческий врач, обрушил на многих христиан, возмущаясь их философским невежеством²¹². Пытаясь усовершенствовать методологию толкования Священного Писания, Феодот и его последователи предприняли критический анализ библейского текста. У Евсевия сохранился большой отрывок из памфлета анонимного автора, направленный против таких “философствующих” христиан²¹³. По мнению этого автора, феодотианцев критикуют по трем причинам: 1) они были слишком увлечены изучением логики, математики и эмпирических наук (“Некоторые из них изучают геометрию Евклида и восхищаются Аристотелем и Феофрастом, а Гален, возможно, также находит поклонение в их среде”); 2) отрекшись от аллегории, они практиковали строгую грамматическую экзегезу; 3) они применяли текстологические принципы для изучения Септуагинты и Греческого Нового Завета (“Они не побоялись прикоснуться к Священному Писанию, оправдываясь тем, что критически исправили (διωρθωκεναι) его... Поскольку они не могут отрицать, что это вопиющее деяние целиком на их совести (копии написаны их собственной рукой), и от своих учителей они получили библейский текст не в таком состоянии. Они также не могут показать ни одной копии, по которой они вносили свои исправления (δειξαι αντιγραφα οθεν αυτα μετεγραψαντο μη εχωσιν)”²¹⁴. К сожалению, больше ничего не известно об этой первой попытке текстологического анализа.

Некоторое время спустя после отлучения феодотианцев один из наиболее эрудированных и трудолюбивых ученых своего времени Ориген Александрийский и Кесарийский начал текстологическое изучение всего текста Ветхого Завета, написанного на еврейском языке, и нескольких переводов на греческий. В результате многолетней работы появились Гексаплы (Hexapla), монументальное исследование, к которому обращались многие Отцы Церкви в известной библиотеке в Памфлии в Кесарии вплоть до ее разрушения в VII в. во время мусульманского нашествия на Ближний Восток.

На вопрос о том, пытался ли Ориген издать критический текст Нового Завета, современные ученые отвечают по-разному²¹⁵; автору настоящей книги кажется весьма вероятным, что Ориген не имел намерений подготовить собственную редакцию Нового Завета. В то же самое время его труды и, в особенности, экзегетические трактаты свидетельствуют об определенной заинтересованности Оригена критическими нюансами библейского текста. Он сетует на то, что “отличие рукописей [Евангелий] друг от друга колоссально как из-за небрежности писцов, так и из-за непростительной халатности тех, кто имел отношение к этим текстам; они либо не брали на себя труд проверять переписанное, либо в процессе проверки сокращали или дополняли текст как им заблагорассудится”²¹⁶. Помимо общего комментария текста, Ориген обнаружил данные (хотя он и не всегда их использовал), относящиеся к разночтениям в греческих рукописях Нового Завета. Он заметил, например, что в Евангелии от Матфея (18:1) на вопрос учеников о том, кто самый первый в Царстве Божьем, в некоторых рукописях евангелист начинает фразу “в тот час...” (εν εκεινη τη ωρα), тогда как в других источниках там появляется “в тот день...” (εν εκεινη τη ημερα)²¹⁷. Подобным образом Ориген выделяет два разночтения в Евр.2:9 “отдельно от Бога” (ξωρις θεου) и “по Божией благодати” (χαριτι θεου), но не отдает предпочтения какому-либо из них, поскольку видит духовную значимость обоих.

В других случаях Ориген прямо говорит о своем предпочтении того или иного разночтения, но зачастую его выбор определяется соображениями далеко не текстологического свойства. Так, когда из чтения “Иисус Варавва” он исключил имя “Иисус” (Мф 27:16-17), то сделал это, искренне считая, что именем “Иисус” никогда не нарекали злодеев²¹⁸. В другом случае Ориген предпочел

²¹² Wutzer R. Galen on Jews and Christians. Oxford, 1949, p. 75ff.

²¹³ Eusebius. Hist. Eccl. V. XXVIII, pp. 13—19 (выдержки вероятно извлечены из “Little Labyrinth” Ипполита Римского).

²¹⁴ Обсуждение этого отрывка см. Schone H. Ein Einbruch der antiken Logik und Textkritik in die altchristliche Theologie. — Pisciculi: Studien zur Religion und Kultur des Alterums; Franz Joseph Dolger ...dargeboten.. Munster in W, 1939, pp. 252—265.

²¹⁵ Подробнее см. Metzger B. M. Explicit References in the Works of Origen to Variant Readings in New Testament Manuscripts. — Biblical and Patristic Studies in Memory of Robert Pierce Casey. Friburg, 1963, pp. 78—95.

²¹⁶ Comm. in Matt. 15:14 (Die griechischen christlichen Schriftsteller. — Origenes, X. 387. 28-388. 7, ed. Klostermann).

²¹⁷ Comm. in Matt. 13:14 (G. C. S., Origenes, X. 213. 21ff., ed. Klostermann).

²¹⁸ In Matt. Comm. ser. 121 (G. C. S., Origenes, XI. 2. 255, 24ff., ed. Klostermann).

слову “Вифавара” название “Вифания”, где крестил Иоанн (Ин.1:28), по географическим и этимологическим причинам²¹⁹. Те же причины обусловили выбор собственного имени “Гергеса”, а не “Гераса” или “Гадара” — название того места, где бесы вселились в стадо свиней²²⁰. К другой группе можно отнести примеры, представляющие определенные экзегетические трудности, заставившие Оригена предположить, что все рукописи его времени были испорчены.

С современной точки зрения, св. Иероним (347—420 гг.) был более проницательным текстологом, чем Ориген. Он хорошо понимал, какие виды ошибок могут возникнуть в результате переписывания рукописей. Например, он говорит о возможности смешения похожих букв, смешения аббревиатур, случаях диттографии и гашюграфии, перестановки букв, ассимиляции, транспозиции и чересчур смелых исправления писцов²²¹. Несколько ярких примеров показывают его неподдельный интерес к текстологическим проблемам. В предисловии к исправленному тексту латинских Евангелий, адресованному папе Дамасу, который и попросил его начать эту работу, Иероним пишет, что в качестве основы текста он взял древние греческие рукописи. В другой раз в письме к Минервию и Александру²²², двум тулузским монахам, обратившимся к нему с просьбой разъяснить некоторые места Священного Писания, Иероним говорит о нескольких формах текста 1 Кор.15:51 (“не все мы умрем, но все изменимся”). Он пишет, что отдает предпочтение чтению “мы все умрем, но не все изменимся”. В своем «Диалоге против Пелагиан»²²³ Иероним утверждает, что в некоторых копиях, а особенно в греческих кодексах, в последней главе Евангелия от Марка имеется обширное дополнение. Иероним не открыл нам, где он нашел эти рукописи, и вплоть до XX в. не было известно ни одной его копии. Только в наше время это место обнаружилось в греческой рукописи, купленной Чарлзом Л. Фриром (Freer Ch. L.) из Детройта у арабского дельца в Гизе близ Каира.

Хотя бл. Августин (354—430) в первую очередь является талантливым богословом, он, однако, проявил незаурядные способности в области текстологии. Так, когда в Евангелии от Матфея (27:9) цитата из Книги Захарии приписывается авторству Иеремии, Августин пишет, что “вначале нужно обратить внимание на тот факт, что приписывание данного места Иеремии зафиксировано далеко не во всех рукописях, содержащих Евангелия, в некоторых из них просто говорится, что данное высказывание принадлежит “пророку”. Следовательно, можно утверждать, что предпочтение следует отдать тем рукописям, где не упоминается имя Иеремии, поскольку слова эти определенно были произнесены пророком, только пророк этот — Захария...” Тем не менее с похвальной прямоотой Августин заявляет, что не может удовлетвориться этим объяснением, поскольку “большинство рукописей называет имя Иеремии, и тот, кто изучал Евангелие самым внимательным образом по греческим копиям, выяснял, что эти рукописи более ранние”. Вслед за этим Августин сформулировал критический канон, предписывающий отдавать предпочтение более сложному чтению; он продолжает: “Я думаю также, что не было причин вставлять это имя (впоследствии в оригинальный текст) и тем самым искажать его; тогда как имелись вполне весомые причины для изъятия этого имени из многих рукописей. Поскольку самонадеянный и неопытный переписчик (*audax imperitia*), озадаченный отсутствием этого отрывка в Иеремии, с легкостью мог пренебречь им”²²⁴.

В другой раз Августин предлагает сделать выбор в пользу тех чтений, которые используются главными епархиями, предвосхищая тем самым теорию “локальных текстов” Б. Х. Стритера. Он пишет: “Если новозаветные книги предстают в столь запутанном виде в различных латинских переводах, то они должны уступить место греческим версиям, в особенности тем, которые используются в самых сведущих церквях”²²⁵.

²¹⁹ Comm. in Joan. VI. 40 (24) (G. C. S., Origenes, IV. 149. 12ff, ed. Preuschen).

²²⁰ Comm. in Joan. VI. 41 (24) (G. C. S., Origenes, IV. 150. 3ff, ed. Preuschen).

²²¹ Примеры, взятые из трудов Иеронима, иллюстрируют каждую из этих категорий. См. *Hulley K. K. Principles of Textual Criticism Known to St. Jerome.* — *Harvard Studies in Classical Philology*, LV, 1944, pp. 87—109.

²²² Epist. 119 (Migne, Patrologia Latina, XXII. 966ff.).

²²³ Dialog. contra Pelagianos, II. 15 (Migne, P. L. XXIII. 576).

²²⁴ De consensu Evangel. iii. 7. 29 (Migne, P. L. XXXIV. 1174f.).

²²⁵ De doct. Christ, il 15. 22 (Migne, P. L. XXXIV. 46), “apud ecclesias doctiores et diligentiores”.

В Средние века, когда знание греческого языка находилось на низком уровне, усилия текстологов в основном были направлены на очищение текста Вульгаты Иеронима. Можно ожидать, что в этот вариант текста наряду с обычными ошибками, возникающими при переписывании, войдут и некоторые старолатинские чтения, которые Иероним исключил из своего текста. Произведения таких авторов, как Гилберт из Порре и Петр Ломбардский, содержат отдельные комментарии, которые отражают сведения, взятые из Иеронима и Августина, относительно греческого языка, лежащего в основе тех или других переложений на латинский язык²²⁶.

В эпоху Возрождения с распространением знания греческого языка ученые начали исправлять латинскую Вульгату посредством греческого, то есть того языка, на котором написан Новый Завет. В своих библейских примечаниях Эразм и Беза часто делают ссылки на разночтения в греческих рукописях. Как уже отмечалось в III главе, первой английской Библией, которая содержала перевод разночтений из греческих рукописей (включая кодекс Безы), была Женевская Библия 1560 г., подготовленная Вильямом Уиттингэмом и другими английскими эмигрантами, жившими в Женеве. Например, в этой Библии на полях напротив Деян.15:29 было отмечено отрицательное “золотое правило”, а также буквальный перевод западного типа Деян.19:9, согласно которому Павел проповедовал ежедневно в училище Тиранна “с пяти до десяти часов”²²⁷.

Первым ученым, который воспользовался всеми тремя классами данных к тексту Нового Завета, то есть греческими рукописями, ранними переводами и цитатами из Отцов Церкви, был, вероятно, Фрэнсис Лукас Брут, написавший “Notationes in sacra Biblia, quibus variantia...discutiuntur” (Antwerpen, 1580). В конце XVII в. научные основы текстологии Нового Завета были изложены в четырехтомном труде Ришара Симона (1638—1712), французского ученого-католика, намного опередившего время в своих библейских изысканиях. Тома эти носили следующие названия: “Histoire critique du texte du Nouveau Testament” (Rotterdam, 1689); англ. пер. “Critical History of the Text of the New Testament”, в 2 частях (London, 1689); “Historic critique des versions du Nouveau Testament” (Rotterdam, 1690); англ. перевод “Critical History of the Versions of the New Testament” (London, 1692); “Histoire critique des principaux commentateurs du Nouveau Testament”, в 2 частях (Rotterdam, 1693); “Nouvelles observations sur le texte et les versions du Nouveau Testament” (Paris, 1695). Невзирая на традиционные догматичные представления, присущие его времени, Симон критически рассмотрел текст Библии как литературное произведение. Его труды отличаются глубиной и меткостью суждений; он с точностью предугадывает выводы, сделанные учеными два или три века спустя.

²²⁶ См. *Landgraf Arthur. Zur Methode der biblischen Textkritik im 12. Jahrhundert. Biblica*, X, 1929, pp. 445—474.

²²⁷ Женевский перевод этого стиха является буквальным переложением с греческого; в соответствии с современным отсчетом времени следовало бы сказать: “с одиннадцати до четырех”.